

Оригинальная статья

УДК 159.923.2, 328.185
doi: 10.11621/npj.2020.0403

Этико-психологическое портретирование российского коррупционера

А.А. Максименко*, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-0891-4950

О.С. Дейнека, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0001-8224-2190

Д.В. Крылова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-5069-0319

*Для контактов. E-mail: maximenko.al@gmail.com

Актуальность темы. Портретирование типичного российского коррупционера является важной превентивной задачей в системе кадровых технологий государственной гражданской службы.

Целью исследования являлось описание психологического портрета сотрудников, работающих в организациях, в которых возможна коррупция, а также выявление их отношения к коррупции и способам борьбы с ней.

Процедура исследования. В ходе анонимного опроса по стандартизированной анкете участвовали 100 муниципальных служащих города Костромы. Опросом были охвачены чиновники всех уровней: руководители департаментов и их заместители (высшее звено), начальники отделов и их заместители (среднее звено), рядовые исполнители.

Результаты исследования. Анализ полученных результатов исследования позволил отметить, что для чиновников высшего уровня наиболее привлекательными достоинствами муниципальной службы являются возможность помочь людям, обществу в решении их проблем, достойное пенсионное обеспечение, а также комфортный психологический климат, для руководителей среднего звена на первое место выходит климат в коллективе, и только потом — помощь людям. В наборе ценностей чиновников-исполнителей приоритетным являются исключительно материальные выгоды. Коррупция трактуется чиновниками не в ее широком понимании, закрепленном в законодательстве как «злоупотребление служебным положением», а гораздо уже — как «дача взятки». Наиболее вероятными оправданиями поведения взяточника опрошенные считают покровительство и требования начальства, которое заинтересовано в «посторонних» доходах», а также ситуацию взаимного взяточничества и материальные затруднения ввиду низкой зарплаты. Барьерами для взяточничества, по мнению чиновников, выступают моральные нормы, а также страх наказания и боязнь увольнения.

Выводы. Выполненный нами обзор литературы по проблеме, а также проведенное эмпирическое исследование позволяет выделить характерные черты коррупционера. Коррупционерам свойственна высокая экстраверсия, желание казаться чрезмерно приятными, наличие различных аддикций. Ценности власти и доминирования способствуют приемлемости коррупции, тогда как примат ценностей заботы и универсализма снижают ее.

Ключевые слова: психология коррупции, портрет российского коррупционера, типология чиновников, этико-психологическое портретирование, мотивация коррупционера.

Для цитирования: Максименко А.А., Дейнека О.С., Крылова Д.В. Этико-психологическое портретирование российского коррупционера // Национальный психологический журнал. — 2020. — № 4 (40). — С. 31–47. doi: 10.11621/npj.2020.0403

Поступила 20 июня 2020 / Принята к публикации: 6 ноября 2020

Original Article

Ethical-psychological portrayal of a Russian corrupt official

Aleksandr A. Maksimenko*, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0891-4950

Olga S. Deyneka, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: 0000-0001-8224-2190

Dina V. Krylova, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5069-0319

*Corresponding author. E-mail: maximenko.al@gmail.com

Background. Portraying a typical Russian corrupt official is important as a preventive measure to apply within the system of human resources on civil service.

Objective. The study is aimed at creating a psychological portrait of civil servants working in the environments where corruption is possible in order to reveal their attitude to corruption and to the means used to eliminate it.

Design. 100 municipal civil servants from the city of Kostroma took part in an anonymized survey with a standardized questionnaire. The survey encompassed civil servants of all levels: heads of departments and their deputies (top level), department managers and their deputies (mid level), minor officials.

Results. Analyzing the results obtained within the survey one can conclude that for top-level civil servants the most important advantages of municipal civil service are the ability to help people and society in solving their problems, as well as substantial pension and good psychological climate. For mid-level managing positions the main advantages are psychological climate, that comes first, and, subsequently, the ability to help people. Minor officials' scale of values prioritizes material gain over everything else. Instead of understanding corruption in the broad sense, as abuse of authority, the way the concept of corruption is represented in the law, civil servants view it more narrowly — as bribery. The most common excuses for bribery, according to the civil servants questioned, include protection and the bosses being interested in “extra” profit as well as the situation of mutual bribing and financial problems caused by low salary. The barriers for bribery, in civil servants' opinion, are moral norms and the fear to be punished or fired.

Conclusions. The analysis of literature on the subject, as well as the empirical study conducted, allows to single out the most characteristic features that a corrupt civil servant has. Corrupt civil servants are highly extravert, they are very eager to please people, and have a variety of addictions. The values of power and dominance contribute to making corruption acceptable, while the primary role of care and universalism lower its level.

Key words: psychology of corruption, portrayal of a Russian corrupt official, typology of corrupt civil servants, ethical-psychological portrayal, motivation of corrupt behaviour.

For citation: Maksimenko A.A., Deyneka O.S., Krylova D.V. (2020). Ethical-psychological portrayal of a Russian corrupt official. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskiiy zhurnal], (13)4, 31–47. doi: 10.11621/npj.2020.0403

Received June 20, 2020 / Accepted for publication: November 6, 2020

Актуальность проблемы исследования

В конце 10-х годов XXI века в российской медиасфере (Нодельман, 2018; Филипенко А., 2018) развернулась дискуссия о психологических особенностях отечественного коррупционера. Поводом послужило проведенное НИИ Генеральной прокуратуры исследование, в котором была представлена попытка портретирования российского взяточника. Типичный коррупционер, согласно полученным результатам опроса осужденных за коррупционные правонарушения, имеет жилье, состоит в браке, не злоупотребляет спиртными напитками и наркотическими веществами, не склонен к нарушению общественного порядка. У 84% респондентов есть высшее образование, а для 67% доминирующей ценностью

является семья. Главным выводом исследования являлось заключение о том, что правонарушители отнюдь не алчные и меркантильные люди, какими их представляло расхожее общественное мнение, созданный в литературе и запечатленный в сознании обывателей образ откровенного жадина. Мздоимцам оказались присущи такие менеджерские качества, как энергичность, инициативность, высокая работоспособность и стрессоустойчивость. Таким образом, с легкой

Препарирование образа коррупционера в русле психологической исследовательской традиции не вполне получилось, поскольку попытка основывалась на лекалах преимущественно социально-демографического подхода, без использования психологических методик. Между тем, теории символического интеракционизма («разбитых окон») (Kelling, Wilson, 1982), генно-средовой детерминации (Бейссон, 1976), фундаментальной ошибки атрибуции (Ross, 1977), веры

Целью исследования являлось этико-психологическое портретирование российского коррупционера. В задачу первой части исследования входил обзор зарубежных и отечественных работ по проблеме особенностей личности коррупционера, задача второй части исследования состояла в анализе данных эмпирического исследования, выполненного нами в 2017 году в Костроме.

руки государственных обвинителей типичный коррупционер стал во многом схож с образом среднестатистического чиновника.

в справедливость мира (Lerner, 1980), проблемы вагонетки (Foot, 1967) и многие другие позволяют значительно приблизить нас к пониманию феномена коррупции. Целесообразно рассмотреть подробнее попытки российских и зарубежных корруптологов осмыслить мотивы правонарушения и психологию девиантных действий, связанных со злоупотреблением служебными полномочиями.

Целью исследования являлось этико-психологическое портретирование российского коррупционера. В задачу первой части исследования входил обзор зарубежных и отечественных работ по проблеме особенностей личности коррупционера, задача второй части исследования состояла в анализе данных эмпирического исследования, выполненного нами в 2017 году в Костроме.

Образ коррупционера в зарубежной и отечественной литературе

Одним из первых типологизировал делинквента Ч. Ломброзо (Ломброзо, 2005), выделив четыре типа правонарушителей: вор, жулик, душегуб, насильник. Первые два из них, по нашему мнению, ближе всего соответствуют образу коррупционера, поскольку основаны на принципиальном характере ненасилия. Внешности типичного вора автор биологизаторского подхода в криминалистике приписывает: неправильный маленький череп, удлиненную голову, прямой нос (часто

Александр Александрович Максименко — доктор социологических наук, кандидат наук, доцент, аналитик проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0003-0891-4950

<https://www.hse.ru/org/persons/303615329>

Ольга Сергеевна Дейнека — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры политической психологии Санкт-Петербургского государственного университета

ORCID: 0000-0001-8224-2190

<https://psy.spbu.ru/department/teachers/456-deyneka-os>

Дина Владимировна Крылова — зав. проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0001-5069-0319

<https://www.hse.ru/staff/krylovadv>

вздернутый у основания), бегающий или, наоборот, цепкий взгляд, черные волосы и редкую бороду. Внешность типичного мошенника представлена следующей портретной зарисовкой: бледное лицо, лысая голова, кривой нос, маленькие глаза. В целом, заключает автор идеи о врожденной теории криминальных свойств личности, внешность мошенников достаточно добродушная.

Современный исследователь Е.К. Волконская (Волконская, 2013), обращаясь к социально-психологическим основаниям, приводит следующую типологию коррупционера:

1) инициативный тип, представляющий наибольшую общественную опасность, убежден в допустимости и вседозволенности любых средств обеспечения личного благополучия;

2) конформный тип руководствуется принятыми в ведомстве нормами коррупционного поведения;

3) вынужденный тип не имеет коррупционных установок, однако совершает правонарушение, поскольку втянут в провоцируемую ситуацию.

Подчеркивая гендерные различия, А.Л. Журавлев с коллегами (Журавлев и др., 2017) на основе проведенных ими в нулевых и десятых годах XXI века исследований констатируют большую нетерпимость к коррупционным правонарушениям со стороны женщин. Так, мужчины дают взятки чаще (75%), чем женщины (52,2%). Последнее авторы объясняют стереотипным отношением полов к этому явлению — негативно к коррупции относится лишь треть мужчин и около 50% женщин. Кроме того, данные, полученные на репрезентативных выборках, свидетельствуют о том, что наиболее распространенный взяткодатель, привлеченный к ответственности, — сангвиник (40,2%) и флегматик (30,5%).

В связи с интересом к гендерным особенностям коррупции следует упомянуть выполненное во второй декаде XXI века масштабное исследование М. Агерберга (Agerberg, 2014), в результате которого были собраны ответы более 85 000 респондентов из разных регионов Европейского союза. Исследователь проверял гипотезу Д. Доллара (Dollar et al., 2001) и А. Свэмми (Swamy et al., 2001) начала нулевых годов XXI века о связи между гендером и коррупцией, сформулиро-

ванной в предположении, что увеличение числа женщин в правительстве способствует снижению общего уровня коррупции. Есть также публикации, показывающие, что низкая доля женщин, участвующих в коррупции, объясняется традиционным патронажем большинства отраслей экономики мужчинами, а не особенностями характера женского пола.

М. Агерберг составил регрессионную модель для выявления зависимости между числом женщин-политиков и качеством правительства. Для исключения появления ложной корреляции были включены переменные, влияние которых на коррупцию было выявлено в предыдущих исследованиях. Так, были включены уровень занятости по региону и значения ВВП на душу населения по региону и по стране в целом. Для учета уровня общего развития страны в качестве дополнительных параметров Агерберг ввел долю домохозяйств, имеющих доступ к интернету, и численность населения, получившего высшее образование. Чтобы учесть уровень демократии в стране, дополнительной переменной была выбрана свобода печати. Доля мусульман, католиков и протестантов, проживающих на территории страны, также была учтена, чтобы не упустить из виду культурный контекст. Результаты анализа подтвердили гипотезу о том, что увеличение числа женщин в правительстве окажет позитивное влияние на снижение уровня коррупции. Ряд зарубежных исследований последних лет (Breen, Gillanders, McNulty, Suzuki, 2017; Esarey, Schwindt-Bayer, 2017; Fuentes, 2018; May, McGarvey, Kucera, 2018; Jha, Sarangi, 2018; Wellalage, Fernandez, Thrikawala, 2020; Aidt, Hillman, Qijun, 2020) подтверждают схожие взаимосвязи между гендером и уровнем коррупции.

Нидерландский исследователь Н.К. Кёбис (Köbis, 2018) выделил 2 стратегии взяточничества:

1. Стратегия «скользящий склон» представляет собой незначительные

мелкие проявления коррупции, которые рассматриваются коррупционерами как неявные ориентиры этических дилемм. Со временем этических нарушений становится больше, и в итоге проявления коррупции становятся более значимыми.

2. Стратегия «крутой обрыв» подразумевает единовременную возможность крупного этического нарушения, которое оценивается как очень привлекательное. Такая стратегия позволяет легче рационализировать разовый акт неэтичного проявления, нежели повторяющиеся.

Согласно результатам автора, вероятность немедленного серьезного подкупа в 5,25 раз больше, чем ситуация, при которой участникам бы пришлось постепенно заниматься более мягкими формами коррупции. По нашему мнению, которое нуждается в дополнительной верификации, в настоящее время в России преобладает стратегия «крутого обрыва», тогда как в 90-х годах XX века, как и в начале нулевых годов XXI века, доминировала стратегия «скользящего склона».

В другом исследовании Н.К. Кёбис (Köbis, 2017), вдохновившись фразой Платона «никто не верит, что справедливость — это добро, когда ее держат в секрете; до тех пор, пока человек думает, что может безнаказанно совершать несправедливость, он делает это», написал любопытное эссе «Взгляд через плечо: Коррупция и мошенничество уменьшаются в присутствии другого человека». Там он находит подтверждение своему предположению через экспериментальные исследования поведения человека в этических дилеммах. Один из основных его выводов заключается в том, что многие люди обманывают, но только в той мере, в какой они могут оправдать свое поведение перед собой и перед другими. В своих экспериментах он пытался ответить на предельно упрощенные вопросы: 1. Честнее ли люди ведут себя в реальном присутствии другого человека? 2. Увеличивается ли неэтичное поведение или уменьшается, ког-

Согласно результатам автора, вероятность немедленного серьезного подкупа в 5,25 раз больше, чем ситуация, при которой участникам бы пришлось постепенно заниматься более мягкими формами коррупции. По нашему мнению, которое нуждается в дополнительной верификации, в настоящее время в России преобладает стратегия «крутого обрыва», тогда как в 90-х годах XX века, как и в начале нулевых годов XXI века, доминировала стратегия «скользящего склона».

да за человеком наблюдает друг или незнакомец? 3. Готовы ли люди нарушать этические правила, если другие получают от этого сопутствующую выгоду? Иными словами, если другой человек является не просто наблюдателем, а потенциальным «соучастником преступления», в таком случае повышается ли уровень неэтичного поведения? Люди меньше обманывают, когда есть угроза потери своей репутации и, наоборот, демонстрируют повышенную готовность участвовать в коррупции, когда это делают и другие. Озабоченность своей репутацией и значимостью социальных норм возрастает, когда активизируется общественное самосознание людей, то есть когда они чувствуют, что за ними наблюдают другие. В повседневных жизненных ситуациях, таких как, например, безбилетное передвижение на общественном транспорте, мнение общества действительно влияет на поведение людей, даже при условии, что за данный проступок человек не будет подвергнут никакому реальному наказанию. Автор утверждает, что важность проявления нравственности по отношению к другим, безусловно, приведет к снижению уровня неэтичного поведения. Отсюда вытекает вывод, что люди ведут себя более неэтично в одиночку, чем в присутствии других людей. Помимо этого проверялось также, имеет ли значение степень близости лица к пассивному наблюдателю для принятия решения о нарушении этических норм, есть ли разница, пассивный наблюдатель — это незнакомец или все же близкий друг.

Кёбис установил, что присутствие знакомого человека при совершении неэтичного поступка представляет большую потенциальную репутационную угрозу, нежели присутствие незнакомого человека. Вероятность взяточничества среди участников была выше, когда они были одни, по сравнению с тем, когда с ними в комнате был кто-то другой. Присутствие другого лица сокращает частоту взяточничества, даже если это лицо не имело формальных средств наказания за поведение участника. Важно упомянуть, что различий в присутствии близких и незнакомых людей не наблюдалось. Таким образом, присутствие другого лица снижает уровень взяточничества, независимо от того, насколько близкие отношения

у нарушителя с этим человеком. Проявление неэтичного поведения при отсутствии других людей происходит значительно чаще случаев, когда присутствующий в комнате посторонний человек имеет какую-либо выгоду от мошенничества.

Люди меньше обманывают, когда есть угроза потери своей репутации и, наоборот, демонстрируют повышенную готовность участвовать в коррупции, когда это делают и другие. Озабоченность своей репутацией и значимостью социальных норм возрастает, когда активизируется общественное самосознание людей, то есть когда они чувствуют, что за ними наблюдают другие.

К. Ни с коллегами (Nee et al., 2019) в целях выявления психологических особенностей лиц, осужденных за коррупционные правонарушения и мошенничество, взяли 17 интервью у бывших осужденных — «белых воротничков», которые дополнительно заполнили личностный опросник Айзенка. Было выявлено, что респонденты имеют более высокий балл по шкале «экстраверсия», по сравнению со всей популяцией. Шкала нейротизма показывает, что выборка исследователей оказалась немного более эмоционально стабильной, чем население в целом. Также респонденты имеют более высокие значения по шкале лжи, артистичности и желания нравиться окружающим.

Исследование показывает, что коррупционеры не являются «обычными» преступниками, с точки зрения личностной теории черт. Сочетание высокой экстраверсии, чрезмерной напыщенной приятности, эмоциональной стабильности и фальсификации ответов предполагает сильную связь с «когнитивной» стороной психопатии, известной как фактор-1. Он включает в себя отсутствие раскаяния, бессердечность и способность манипулировать. Фактор-2 включает в себя поведенческие элементы психопатии: отсутствие контроля и поиск сильных ощущений.

Бразильский дуэт психологов-исследователей в статье «Почему коррупционеры занимаются коррупцией?» (Modesto, Pilati, 2020) на основе междисциплинарной модели Диаманта и Шульте (Dimant, Schulte, 2016) проектирует многоуровневую аналитическую модель коррупции, которая включает наряду с исходным параметром «положение, занимаемое человеком в обществе» 3 уровня: микроуровень, мезоуровень и макро-

уровень. Первый уровень содержит такие переменные как пол, возраст, личностные характеристики (гедонизм, нарциссизм, сознательность, самоконтроль), а также верования и креативность (есть исследования, показывающие, что у более творческих

людей более высокие показатели нечестного поведения). Кроме того, в этом уровне модели авторы не оставляют без внимания процесс принятия решения, который в соответствии с теорией Холссона (Hallsson et al., 2018) может быть осознанным или интуитивным. Мезоуровень модели включает конформность, групповые нормы, социальную идентичность, которые, по мысли авторов, влияют на коррупционное поведение. В этом же уровне упоминается «принцип четырех глаз (4EP)», подробно описанный Н. Кёбисом и снижающий нечестное поведение в присутствии другого. Макроуровень аналитической модели содержит факторы культурного и политического порядка. Так, либеральная экономическая модель усиливает коррупцию (Soreide, 2009), а влияние демократических институтов на сокращение коррупции существенно в странах, где уровень ВВП превышает \$2000 на человека (Jetter et al., 2015).

В статье А. Мироновой и А. Татарко (Tatarko, Mironova, 2016) исследуется взаимосвязь между личностными ценностями и приемлемостью коррупции в России, Франции, Германии и Латвии. В ходе прееденного исследования авторы пытались ответить на следующие вопросы: Могут ли универсальные личностные ценности влиять на приемлемость коррупции? И является ли такая тенденция одинаковой в разных странах? С помощью онлайн-платформы Qualtrics был проведен межстрановой опрос 705 респондентов (русских, латышей, немцев и французов), с использованием опросника Ш. Шварца и перечнем конкретных ситуаций для оценки коррупционного поведения.

Результаты проверки гипотез отличались в разных странах. Так, первая гипотеза (чем выше значение соот-

Вероятность того, что коррупционер может быть обладателем какой-либо аддикции, с вероятностью 95% составляет диапазон 45÷57%. Кроме того, статистически подтверждена сочетанность коррупционного поведения и таких конкретных форм аддиктивного поведения, как аддикция от людей и отношений (41%), адреналиномания (38%) и любовная зависимость (36%). Поэтому наличие любой аддикции и тем более этих аддикций, отдельно или в сочетании, увеличивает вероятность коррупционности личности.

ветствия правилам, тем ниже приемлемость коррупции) подтвердилась в Германии и Латвии. Ценность соответствия правилам в этих странах ограничивает степень принятия коррупционного поведения, при этом ценности, направленные на общественную заботу и обеспечение соблюдения установленных норм, снижают приемлемость коррупции.

Вторая гипотеза (чем выше значение универсализма-заботы, тем ниже приемлемость коррупции) нашла подтверждение в трех из четырех рассмотренных странах. Ценности «заботы» и «универсализма» (стремление к справедливости и равенству) снижают приемлемость коррупции в России, Франции и Латвии.

Третья гипотеза (чем выше безопасность — личная ценность, тем ниже приемлемость коррупции) не подтвердилась ни в одной из стран. Таким образом, нет взаимосвязи между ценностью «безопасность» и приемлемостью коррупции. Властное доминирование и властные ресурсы как ценности способствуют приемлемости коррупционного поведения. Согласно исследованиям, лидеры, наделенные большей властью, более коррумпированы.

В поведении коррупционера ряд исследователей (Девятовская, Сыманюк, 2014; Долотов, 2011; Дейнека, 2015) отмечают два мотива: удовлетворение стремительно возрастающих материальных потребностей (тривиальный) уступает в последнее время более значимому — игровой зависимости (гэмблингу), связанной с решением сложных задач с высокими ставками и репутационными и санкционными рисками.

В работе П.Ю. Ежова с коллегами (Коррупция..., 2018) была показана взаимосвязь аддикции и мотивации поведения коррупционера. Сравнительные исследования с применением диагностической методики «ГАЛС-2005» трех групп испытуемых: коррупционеров, некоррумпированных

аддиктов и некоррумпированных неаддиктов выявили следующие закономерности. Вероятность того, что коррупционер может быть обладателем какой-либо аддикции, с вероятностью 95% составляет диапазон 45÷57%. Кроме того, статистически подтверждена сочетанность коррупционного поведения и таких конкретных форм аддиктивного поведения, как аддикция от людей и отношений (41%), адреналиномания (38%) и любовная зависимость (36%). Поэтому наличие любой аддикции и тем более этих аддикций, отдельно или в сочетании, увеличивает вероятность коррупционности личности.

Восприятие коррупции, по свидетельствам некоторых исследователей (DeCelles et al., 2012; Isyaku, Hasan, Kunalan, 2016; Jing-Schmidt, Peng, 2017; Lewellyn, Rosey, 2017; Lopatta, Jaeschke, Tchikov, Lodhia, 2017; Lord, Levi, 2017; Bratu, Kažoka, 2018; Mornah, Macdermott, 2018; Mukherjee, 2018; Bahoo, Alon, Paltrinieri, 2020; Pan, 2020), может отличаться в разных культурах. Например, взятка в Индии рассматривается как коррупция, только если она превышает рыночный уровень взяток, тогда как в США любой вид взятки рассматривается как коррупция. Кроме того, склонность к коррупционному поведению больше сопряжена с приматом индивидуалистических ценностей над коллективистскими.

Межкультурные исследования (O'Connor, Fischer, 2012; Soeharto, Nugroho, 2018) выявили, что более богатые страны, в которых ценят индивидуальную автономию и социальное разнообразие, менее коррумпированы.

Авторы другого исследования (Stupnianek, Navickas, 2019) задались вопросом: могут ли убеждения в справедливости предсказать коррупционное поведение? Поэтому основной задачей их исследования было выявление влияния фактора веры в справедливость на взяточничество. Вера в справедливость помогает лю-

дям разобраться в несправедливых ситуациях, преодолеть когнитивный дисбаланс, адаптироваться и поддерживать свое психическое здоровье. Поэтому в исследовании проверялась гипотеза о том, что люди с сильной верой в справедливый мир ведут себя более справедливо и менее коррумпированно. Исследование проводилось с апреля по октябрь 2016 г. Для того чтобы повысить репрезентативность выборки, были собраны данные из разных возрастных групп. Участие в исследовании было добровольным без моральной компенсации. В целом анкета была разослана 330 участникам (47,5% мужчины; 52,5% женщины). Участники были разделены на три возрастные группы: молодые люди (от 18 до 29 лет), взрослые (от 30 до 49 лет) и пожилые люди (старше 50 лет).

Для измерения веры в справедливость использовались два утверждения (на общую и личную веру в справедливый мир) с оценкой по шкале Лайкерта в диапазоне от 1 (полностью не согласен) до 6 (полностью согласен). Чтобы оценить опыт взяточничества, респондентам были заданы три вопроса: «За последние 5 лет кто-нибудь ожидал от вас взятки?»; «За последние 5 лет кто-то требовал от вас взятку?»; «За последние 5 лет вы когда-нибудь давали взятку?».

46,2% респондентов указали, что они давали взятку хотя бы один раз за последние 5 лет (53,8% ответили «нет»). Участников попросили указать, сколько раз они давали взятки. Участники, которые указали, что дали взятку, сообщили, что они делали это один — три раза за 5 лет. 9,2% участников сообщили о более чем четырех взятках. Авторы выяснили, что большая доля пожилых участников (58% для группы старше 50 лет и 48,3% для группы с 30–49 лет), по сравнению с более молодыми (32%), указали, что они давали взятку в течение последних 5 лет хотя бы один раз. Таким образом, вера в справедливость и возраст были связаны с дачей взятки. Как и ожидалось, личная вера в справедливый мир предсказала поведение взяточничества.

Полученные выводы свидетельствуют о том, что люди, которые считают, что они получают то, что они заслуживают, менее склонны действовать несправедливо, потому что они боятся наказания. Напротив, если

люди считают, что они не получают того, чего заслуживают, они с большей вероятностью будут действовать несправедливо, потому что не боятся наказания. В связи с данной закономерностью человек может не воспринимать свое поведение как неспра-

способам борьбы с ней. Анонимным анкетным опросом было охвачено 100 муниципальных служащих города Костромы, среди которых были представлены чиновники всех уровней: руководители департаментов и их заместители (высшее звено), начальни-

лет), а также комфортный психологический климат.

Для руководителей среднего звена набор приоритетных достоинств государственной службы несколько меняется — на первое место выходит климат в коллективе, и только потом — помощь людям. В списке приоритетов появляется ценность содержательной части работы (интересная, творческая), а также высокое денежное обеспечение на должности. Отметим, что даже для руководителей высшего и среднего звена возможность заниматься руководящей работой не является привлекательным фактором (стоит лишь на 10-м месте). Но еще разительнее отличия в наборе ценностей чиновников-исполнителей: на первое место ставятся исключительно материальные выгоды: пенсионное обеспечение, возможность решать свои бытовые проблемы, заграничные командировки, хотя отмечается и фактор социальной полезности.

Для мужчин наиболее важными приоритетами является участие в решении проблем общества и власти, получение опыта работы в муниципальной структуре, высокое денежное содержание. Для женщин большую значимость приобретает содержание работы, стабильность социального положения, пенсионное обеспечение, решение проблем общества.

Для верификации и уточнения данных были проведены факторный и кластерный анализы. Факторный анализ позволил выделить 7 факторов (табл. 2). Первый (наиболее весомый) фактор мы назвали «материальная выгода», его содержание ожидаемо включает разного рода льготы служб чиновника. Второй фактор объединяет такие переменные, как участие в решении проблем общества, власти, возможность руководящей работы, в совокупности мы их обозначили как «влияние, властные амбиции». К третьей компоненте относятся переменные: стабильность своего социального положения, престижность государственной службы, высокое положение в обществе, возможность установить интересные, полезные контакты, достаточно высокое денежное содержание, интересная, творческая работа, данный фактор назван «статус и престиж».

Особенно отметим следующий четвертый фактор, в который входят

Люди, которые считают, что они получают то, что они заслуживают, менее склонны действовать несправедливо, потому что они боятся наказания. Напротив, если люди считают, что они не получают того, чего заслуживают, они с большей вероятностью будут действовать несправедливо, потому что не боятся наказания.

ведливое или вредное, и ему не нужно искать оправдания своего поведения. Еще одним интересным результатом стали возрастные особенности. Люди старшего поколения воспитывались или прожили часть своей жизни, когда коррупция была социально приемлемой. Подарки правительственным чиновникам, полицейским, судьям и врачам за благоприятное лечение и результаты считались обычной практикой. Другое возможное объяснение может заключаться в том, что пожилым людям, возможно, приходилось сталкиваться с большим количеством ситуаций, когда они чувствовали, что должны были дать взятку.

Более поздние исследования влияния веры в справедливость на точность (Modesto et al., 2020) продемонстрировали важность учета такого опосредующего взаимосвязь фактора как осознание наказания за коррупционное правонарушение при анализе предикторов делинквентного поведения.

Таким образом, обзор источников отечественных и зарубежных авторов, посвященных выявлению типичных черт субъекта коррупционных правонарушений, демонстрирует недостаточный охват психологии коррупционера и высвечивает перспективные направления, связанные с его этико-психологическим портретированием.

Эмпирическое исследование образа коррупционера

Костромским региональным отделением Российского общества социологов в 2017 году было проведено исследование, целью которого являлось описание портрета сотрудников, работающих в коррупционно рискованных сферах, а также выявление их отношения к взяточникам, коррупции и

ки отделов и их заместители (среднее звено), рядовые исполнители.

Результаты исследования

Как видно из рис. 1, наибольшую значимость для опрошенных имеют социальная функция (гуманистические мотивы), социально-психологический климат в коллективе, интересное содержание работы. Только на третьем месте можно увидеть факторы материального порядка: высокое денежное содержание, достойные пенсия и другие гарантии по достижении пенсионного возраста. Немаловажное значение для многих играет получение интересного опыта на государственной службе, поскольку это добавляет ценности резюме соискателя и формирует характерные черты личности: исполнительность, ответственность, стрессоустойчивость, умение работать в системе.

Такие материальные выгоды, как улучшение жилищных условий, решение бытовых проблем, питание в столовой по более низким ценам, путевки в санаторий, льготы в общественном транспорте, пользование ведомственным автомобилем, пользование услугами ведомственной медицины, возможность заграничных командировок — не доступны примерно половине опрошенных чиновников, и, соответственно, не могут являться сильными стимулирующими факторами широкого действия.

Для чиновников высшего уровня наиболее привлекательными преимуществами муниципальной службы (табл. 1) являются: возможность помочь людям, обществу, власти в решении их проблем, возможность пользоваться ведомственными медицинскими учреждениями и достойное пенсионное обеспечение (поскольку большая доля чиновников этой категории — лица старше 50

Таблица 1. Наиболее привлекательные черты муниципальной службы, по мнению респондентов

	Руководитель департамента, главного управления или управления или его заместитель		Руководитель отдела, управления на правах отдела или его заместитель и т. п.		Исполнитель: специалист, ведущий специалист, главный специалист и т.п.	
	Рейтинг	Ранг	Рейтинг	Ранг	Рейтинг	Ранг
Возможность помочь людям	0,943	1	0,903	2	0,747	5
Возможность пользоваться услугами ведомственной медицины	0,933	2	0,417	18	0,640	9
Участие в решении проблем общества	0,925	3	0,843	3	0,800	3
Участие в решении проблем, стоящих перед властью	0,900	4	0,807	5	0,700	7
Достойные пенсия и другие социальные гарантии по окончании государственной службы	0,900	4	0,728	10	0,900	1
Хорошие отношения с руководством	0,900	4	0,780	6	0,509	12
Хороший коллектив сослуживцев	0,875	5	0,920	1	0,440	14
Льготные путёвки в санатории и дома отдыха	0,867	6	0,317	20	0,754	5
Интересная, творческая работа	0,850	7	0,831	4	0,217	19
Получение опыта работы на государственной службе	0,825	8	0,772	8	0,360	18
Достаточно высокое денежное содержание на этой должности	0,800	9	0,777	7	0,422	16
Возможность заниматься руководящей работой	0,775	10	0,697	10	0,431	15
Питание в столовой по низким ценам	0,750	11	0,262	23	0,575	10
Возможность установить интересные, полезные контакты	0,743	12	0,641	13	0,400	17
Стабильность своего социального положения на государственной службе	0,725	13	0,760	9	0,500	13
Желание работать именно в государственном секторе	0,700	14	0,614	14	0,778	4
Льготный проезд на общественном транспорте	0,667	15	0,283	22	0,689	8
Возможность занятости, в условиях, когда другую работу не так просто найти	0,600	16	0,693	12	0,722	6
Возможность пользоваться ведомственным автотранспортом	0,560	17	0,453	16	0,553	11
Возможность улучшить свои жилищные условия	0,440	18	0,436	17	0,800	3
Престижность государственной службы, высокое положение в обществе	0,433	19	0,529	15	0,785	4
Возможность бывать в заграничных командировках	0,400	20	0,300	21	0,878	2
Возможность решить какие-то свои бытовые проблемы	0,267	21	0,389	19	0,900	1

Table 1. The most attractive features of municipal civil service according to the respondents

	Head or deputy head of department, general directorate / board		Managing director in charge or his deputy etc.		Executor: specialist, leading specialist, main specialist etc.	
	Rating	Rang	Rating	Rang	Rating	Rang
Possibility to help people	0,943	1	0,903	2	0,747	5
Access to corporate medical service	0,933	2	0,417	18	0,640	9
Taking part in solving problems of the society	0,925	3	0,843	3	0,800	3
Taking part in solving problems that governmental bodies are facing	0,900	4	0,807	5	0,700	7
Substantial pension and other social guaranties after resigning from civil service	0,900	4	0,728	10	0,900	1
Good relationship with the authorities	0,900	4	0,780	6	0,509	12
Good team of colleagues	0,875	5	0,920	1	0,440	14
Corporate travel packages for health resorts and recreation centers	0,867	6	0,317	20	0,754	5
Interesting, creative job	0,850	7	0,831	4	0,217	19
Gaining experience of civil service	0,825	8	0,772	8	0,360	18
Relatively high retribution for working in that particular position	0,800	9	0,777	7	0,422	16
Possibility to work in a management position	0,775	10	0,697	10	0,431	15
Discounted corporate dinners	0,750	11	0,262	23	0,575	10
Possibility to establish interesting and useful personal contacts	0,743	12	0,641	13	0,400	17
Stable social position of a civil servant	0,725	13	0,760	9	0,500	13
Eagerness to work nowhere but in the civil service sphere	0,700	14	0,614	14	0,778	4
Discounted travel passes for public transport	0,667	15	0,283	22	0,689	8
Possibility to be employed when other jobs are hard to get	0,600	16	0,693	12	0,722	6
Possibility to use corporate cars	0,560	17	0,453	16	0,553	11
Possibility to have better housing conditions	0,440	18	0,436	17	0,800	3
Prestige of civil service, high social ranking	0,433	19	0,529	15	0,785	4
Possibility to travel abroad on assignment	0,400	20	0,300	21	0,878	2
Possibility to solve one's domestic problems	0,267	21	0,389	19	0,900	1

Таблица 2. Факторный анализ данных по вопросам о содержании труда и мотивации работы

	Компонента						
	Материальная выгода	Влияние, властные амбиции	Престижность	Паразитная позиция	Социальный мотив, общечеловеческое	Ступенька, опыт	Желание работать в гос. секторе
Возможность пользоваться услугами ведомственной медицины	0,890						
Льготный проезд на общественном транспорте	0,842						
Льготные путевки в санатории и дома отдыха	0,811						
Питание в столовой по низким ценам	0,667						
Возможность бывать в зарубежных командировках	0,655						
Достойные пенсия и другие социальные гарантии по окончании государственной службы	0,559						
Возможность пользоваться ведомственным автотранспортом	0,507						
Участие в решении проблем общества		0,967					
Участие в решении проблем, стоящих перед властью		0,936					
Возможность заниматься руководящей работой		0,745					
Стабильность своего социального положения на государственной службе			0,842				
Престижность государственной службы, высокое положение в обществе			0,716				
Возможность установить интересные, полезные контакты			0,653				
Достаточно высокое денежное содержание на этой должности			0,618				
Интересная, творческая работа			0,603				-0,491
Возможность решить какие-то свои бытовые проблемы				0,902			
Возможность помочь людям				-0,651			
Возможность улучшить свои жилищные условия				0,553			-0,454
Возможность занятости, в условиях, когда другую работу не так просто найти				0,534			
Хороший коллектив сослуживцев					0,909		
Хорошие отношения с руководством					0,876		
Получение опыта работы на государственной службе						0,845	
Желание работать именно в государственном секторе							0,911

Table 2. Factor analysis of the respondents' answers to the questions about the content of their job and their motivation

	Component						
	Material benefit	Influence, power ambitions	Prestige	Parasite position	Social motivation, socializing	Grade, experience	Eagerness to work in civil service
Access to corporate medical service	0,890						
Discounted travel passes for public transport	0,842						
Corporate travel packages for health resorts and recreation centers	0,811						
Discounted corporate dinners	0,667						
Possibility to travel abroad on assignment	0,655						
Substantial pension and other social guaranties after resigning from civil service	0,559						
Possibility to use corporate cars	0,507						
Taking part in solving problems of the society		0,967					
Taking part in solving problems that governmental bodies are facing		0,936					
Possibility to work in a management position		0,745					
Stable social position of a civil servant			0,842				
Prestige of civil service, high social ranking			0,716				
Possibility to establish interesting and useful personal contacts			0,653				
Relatively high retribution for working in that particular position			0,618				
Interesting, creative job			0,603				-0,491
Possibility to solve one's domestic problems				0,902			
Possibility to help people				-0,651			
Possibility to have better housing conditions				0,553			-0,454
Possibility to be employed when other jobs are hard to get				0,534			
Good team of colleagues					0,909		
Good relationship with the authorities					0,876		
Gaining experience of civil service						0,845	
Eagerness to work nowhere but in the civil service sphere							0,911

переменные: «возможность решить бытовые проблемы», «возможность улучшить жилищные условия», «возможность занятости в условиях, когда другую работу не так просто найти». Фактор, включающий с отрицательным знаком утверждение «возможность помочь людям», был назван «Паразитарная позиция».

Последние два наименее значимые факторы связаны с получением опыта работы на государственной службе.

Кластерный анализ выявил 3 группы чиновников (рис. 1) по их мотивам службы:

1. Амбициозные управленцы (29,4%) — сотрудники, для которых важно участие в решении проблем общества и власти, высокий статус и престиж занимаемой должности.

2. Встроенные в систему (23,5%) — для этих работников важно само место работы, получение опыта в госсекторе и стабильное материальное обеспечение, при этом властные ам-

Мы можем не согласиться с выводами многих экспертов о необходимости повышения ценности государственной службы для чиновников посредством оптимизации материального стимулирования. С учетом распространенности потребительской позиции среди сотрудников и при их относительно малой ценностной вовлеченности в помощь обществу можно прогнозировать подверженность коррупционному поведению при любом уровне заработной платы.

биции, потребительская позиция отсутствуют.

3. Расчетливые (47,1%) — наиболее многочисленная группа сотрудников, характеризующихся четко выраженным интересом к материальной стороне государственной службы: материальной выгоде, денежному обеспечению, причем зачастую с очень расчетливой и потребительской позицией.

Таким образом, мы можем не согласиться с выводами многих экспертов о необходимости повышения ценности государственной службы для чиновников посредством оптимизации материального стимулирования.

С учетом распространенности потребительской позиции среди сотрудников и при их относительно малой ценностной вовлеченности в помощь обществу можно прогнозировать подверженность коррупционному поведению при любом уровне заработной платы.

Оценивая предложенные ситуации (рис. 2) на предмет их коррупционности, чиновники по-разному воспринимают их делинквентность. Абсолютно противоправными респонденты считают факты дачи взятки инспектору ГИБДД, судье или сотруднику полиции за избежание наказания. В то же время безобидным выглядит, по мнению опрошенных, ситуация, когда должностное лицо устраивает на работу к себе в ведомство своего родственника (только 29% респондентов относят это к коррупции). Мнения разделяются примерно поровну в отношении ситуаций взаимного оказания услуг (согласие чиновника на приглашение бизнесмена поужинать в ресторане после решения этим чиновником проблемы бизнесмена и трудоустройство чиновником своей супруги в организацию, деятельность которой он контролирует в рамках своих обязанностей), что может свидетельствовать о социальной приемлемости сложившихся коррупционных практик.

Таким образом, важно изменять восприятие коррупции: от понимания коррупции как взятки к пониманию коррупции как использования должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам».

Наиболее вероятными оправданиями поведения взяточника респонденты видят следующие моменты (рис. 3): покровительство и требования начальства, которое заинтересовано в «посторонних» доходах» (31,0%), ситуация взаимного взяточничества (28,6%) и материальные затруднения

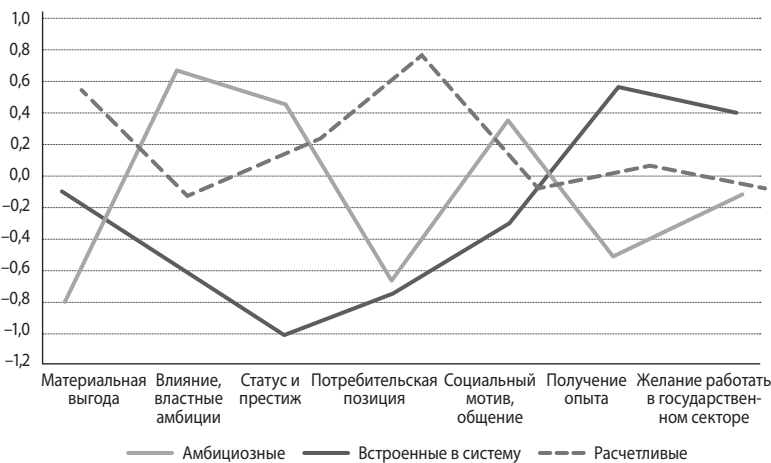

Рис. 1. Кластеризация респондентов на 3 группы по их мотивам государственной службы

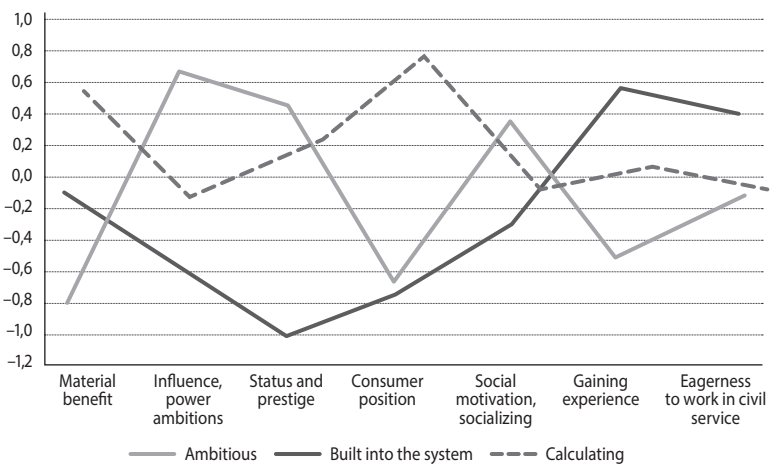

Figure 1. Clustering the respondents into 3 groups according to their job motivation

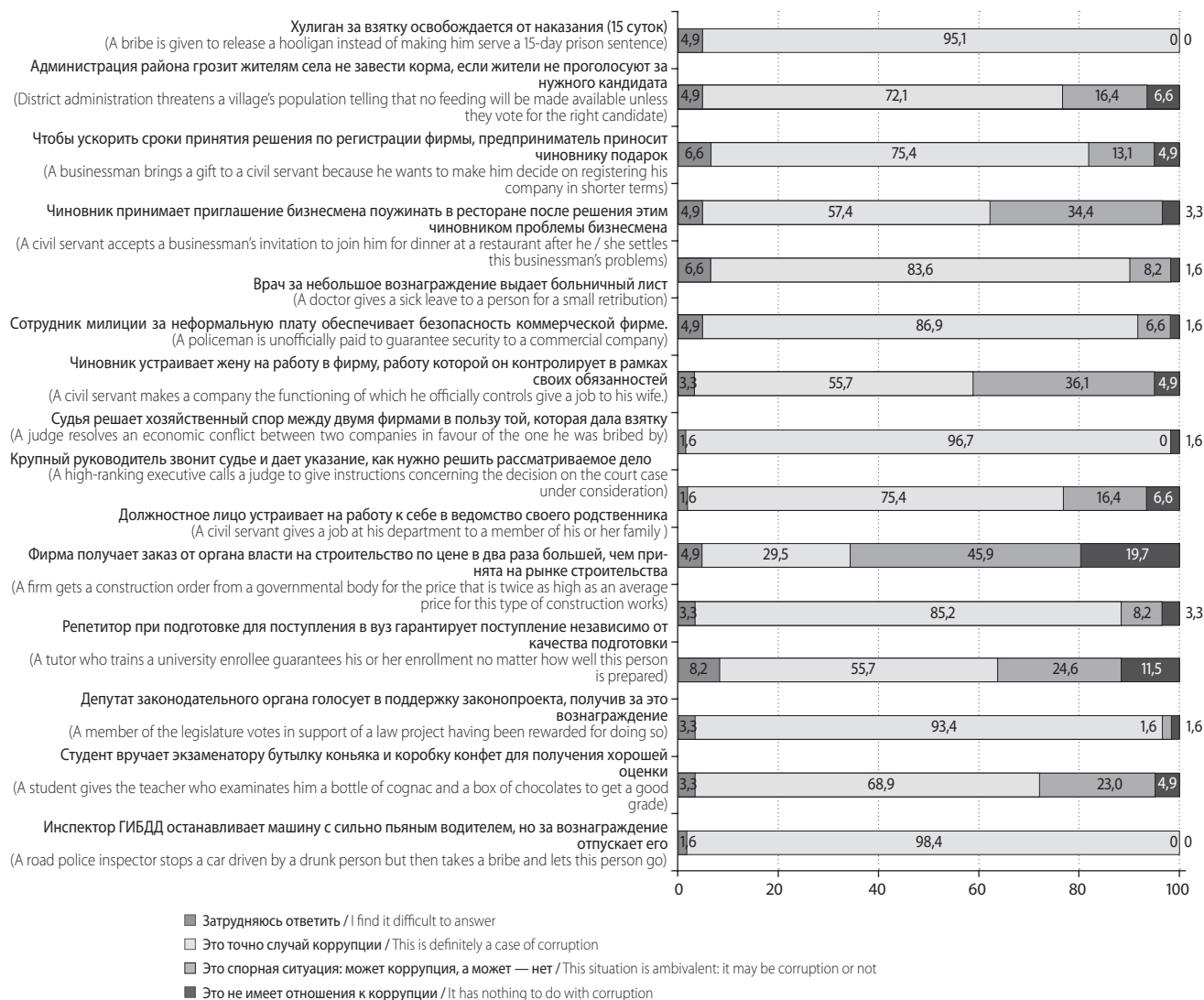

Рис. 2. Интерпретация различных ситуаций на предмет их коррупционности, по мнению респондентов
Figure 2. Respondents' interpretation of different situations in terms of corruption

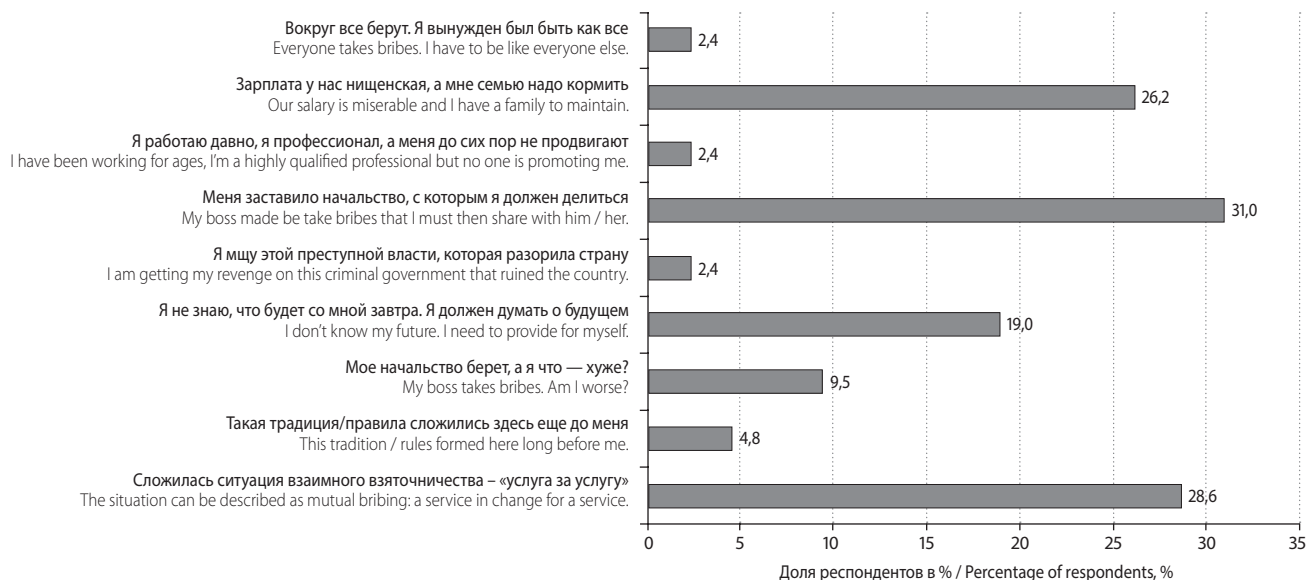

Рис. 3. Наиболее вероятные оправдания поведения взяточника, по мнению опрошенных
Figure 3. The most probable excuses for corrupt behavior according to the respondents

Рис. 4. Отношение респондентов к попавшему на взятке

Figure 4. The respondents' attitude to a person who got caught when being bribed

ввиду низкой зарплаты (26,2%). Первый мотив указывает на глубокую системность проблемы взяточничества. Вторая названная ситуация для Европы достаточно распространена и активно изучается (в отличие от России): так называемое «цивилизованное взяточничество», когда чиновники оказываются друг перед другом в положении «должника» за какую-либо оказанную ранее услугу.

Интересно отношение чиновников к «попавшему на взятке» коллеге. 61,3% опрошенных затруднились ответить на этот вопрос (рис. 4). Мы склонны объяснять это с тем, что отношение к взяточникам отличается

в зависимости от их личности — от осуждающего до сопереживающего, поэтому респондентам было сложно дать конкретный ответ. Это же подтверждают и другие варианты ответов: это либо критичные суждения — «поделом негодяю» (19,4%) либо оправдательные, сочувствующие — «жалко человека, у него семья, дети» (12,9%). В первом случае можно предположить зарвавшегося взяточника, который не может умерить свои аппетиты, а во втором — чиновника, которого на взятку толкают внешние обстоятельства. Отметим и распространенность позиции «сам виноват — не попадайся» (9,7%), которая,

вероятно, свойственна таким же взяточникам, собратьям по «профессии». Таким образом, можно отметить этические дефициты чиновников.

Барьерами для взяточничества, по мнению чиновников (рис. 5), могут выступать в первую очередь моральные нормы (67,2%). Страх наказания оказался лишь на второй позиции (39,3%), боязнь увольнения — на третьей (29,5%), что является позитивным результатом, поскольку внутренние ограничители преобладают над внешними.

Согласно полученным результатам, не являются сильными барьерами для взяточничества мнение коллег, а также отсутствие навыка коррупционного поведения. Если низкие показатели «отсутствия навыка» являются позитивным моментом, то показатель отношения коллег («опасение вызвать их недоверие») свидетельствует о том, что факты взяточничества можно легко скрыть от коллег, либо они не осуждаются в коллективе настолько, чтобы создавать напряжение и проблему.

Взяточничеству способствует отсутствие моральных ограничений (48,3%), ощущение безнаказанности (36,2%), затрудненное материальное положение (24,1%) и невысокая ценность самой службы как места работы (20,7%) (рис. 6).

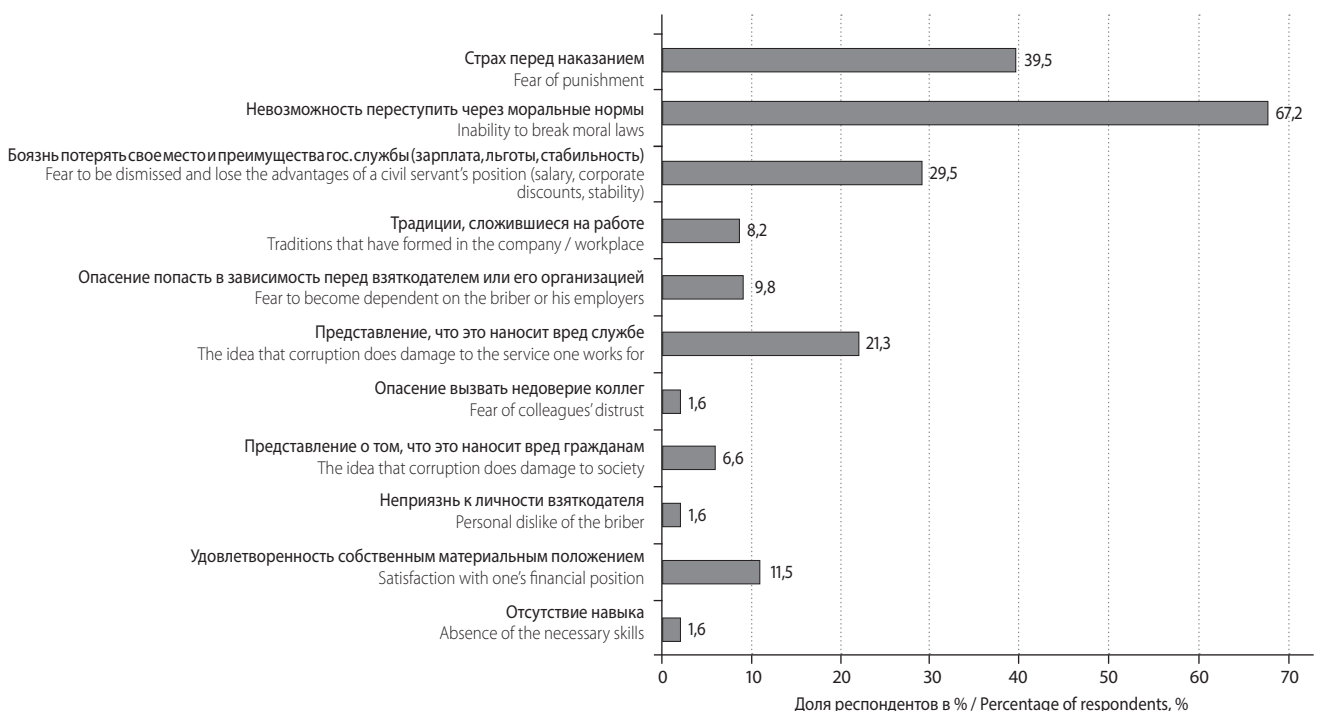

Рис. 5. Типичные барьеры для взяточничества (по мнению респондентов)

Figure 5. Typical barriers for corruption (according to the respondents)

Рис. 6. Аспекты, которые, по мнению респондентов, способствуют взяточничеству

Figure 6. What, according to the respondents, favors corruption

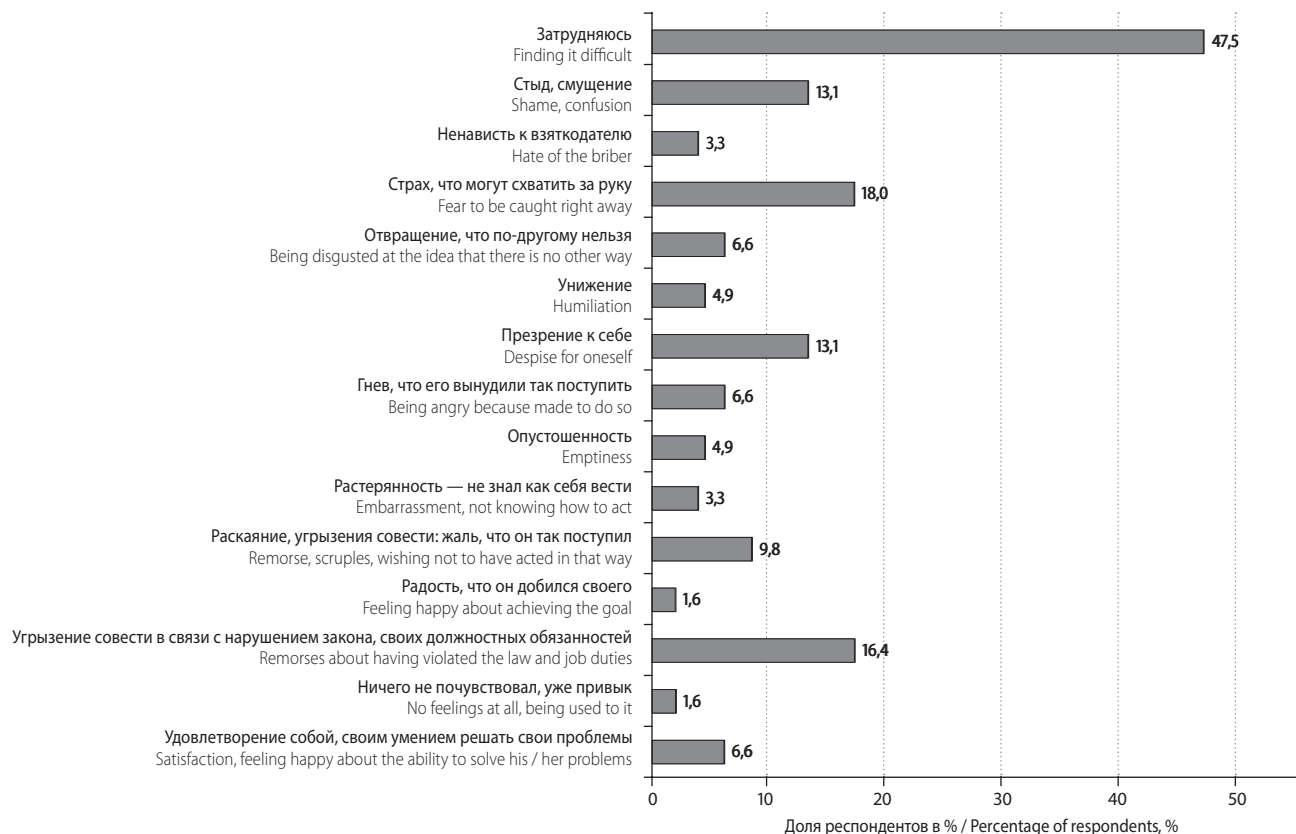

Рис. 7. Что испытывает взяточник, по мнению опрошенных (образ совестливого взяточника — «голубого воришки» Альхена)

Figure 7. What a briber feels, according to the respondents (the image of a conscientious bribe-taker, Alchen the "blue thief")

При этом описание образа взяточника вызывает затруднение у большей части опрошенных (47,5%), что мы также склонны связывать с отсутствием однозначного типажа (рис. 7). Однако ответы остальных респондентов позволяют сформировать образ

«совестливого взяточника» — он испытывает страх, стыд, смущение, презрение к себе, угрызения совести.

И. Ильф и Е. Петров довольно рельефно показали подобный образ в своем произведении «12 стульев» (Ильф, Петров, 2015). «Завхоз 2-го дома Стар-

собеса был застенчивый ворюга. Все существо его протестовало против краж, но не красть он не мог. Он крал, и ему было стыдно. Крал он постоянно, постоянно стыдился, и поэтому его хорошо бритые щеки всегда горели румянцем смущения, стыдливости,

застенчивости и конфуза». Мы выявили особый тип, не сочетающийся с классификацией Е.В. Волконской. Это коррупционер, ворующий по инерции, по наитию, интуитивно выбирающий стратегию «скользящего склона», в классификации Н.К. Кёбиса.

Заключение

Выполненный нами обзор литературы по проблеме, а также проведенное эмпирическое исследование позволяет выделить характерные черты коррупционера.

В ходе анализа зарубежных и отечественных публикаций было обнаружено, что люди, которые считают, что они получают то, что они заслуживают, менее склонны действовать несправедливо, потому что они боятся наказания. Напротив, если люди считают, что они не получают того, чего заслуживают, они с большей вероятностью будут действовать несправед-

Коррупционеры имеют более высокий балл по шкале «экстраверсия», они немного более эмоционально стабильны, чем население в целом по шкале нейротизма. Они имеют более высокие баллы по шкале лжи, что объясняет их постоянное желание казаться обаятельными. Также они более эмоционально стабильны и склонны к манипуляции.

ливо, потому что не боятся наказания. Коррупционеры имеют более высокий балл по шкале «экстраверсия», они немного более эмоционально стабильны, чем население в целом по шкале нейротизма. Они имеют более высокие баллы по шкале лжи, что объясняет их постоянное желание казаться обаятельными. Также они более эмоционально стабильны и склонны к манипуляции.

Анализ полученных результатов авторского исследования позволил отметить, что для чиновников высшего уровня наиболее привлекательными чертами муниципальной службы явля-

ются возможность помочь людям, обществу, власти в решении их проблем и достойное пенсионное обеспечение (поскольку большая доля чиновников этой категории — лица старше 50 лет), а также комфортный психологический климат. Для руководителей среднего звена набор приоритетных параметров несколько меняется: на первое место выходит климат в коллективе, и только потом — помощь людям. В списке приоритетов появляется ценность содержательной части работы (интересная, творческая), а также высокое денежное обеспечение на должности. Но еще разительнее отличия в наборе ценностей чиновников-исполнителей: на первое место ставятся исключительно материальные выгоды.

Выявлены гендерно окрашенная значимость работы на муниципальной службе: для мужчин важны материальный компонент, участие в решении проблем общества, получение опыта работы в муниципальной структуре, тогда как для женщин большую

значимость приобретает содержание работы, стабильность социального положения, пенсионное обеспечение, а также решение проблем общества.

Наиболее вероятными оправданиями поведения взяточника опрошенные видят покровительство и требования начальства, которое заинтересовано в «посторонних» доходах», ситуация взаимного взяточничества и материальные затруднения ввиду низкой зарплаты. Первый мотив указывает на системность проблемы взяточничества, второй — на ее цивилизованный формат, когда чиновники оказывают друг перед другом в положении «должника» за какую-либо оказанную ранее услугу.

С помощью кластерного анализа были выделены 3 группы чиновников по их мотивам службы: «амбициозные

управленцы», «встроенные в систему» и «расчетливые». Последняя, наиболее многочисленная группа сотрудников характеризуется четко выраженным интересом к материальной стороне муниципальной службы: материальная выгода, денежное обеспечение, причем зачастую с очень расчетливой и потребительской позиции.

Коррупция трактуется чиновниками не в ее широком понимании, закрепленном в законодательстве как «злоупотребление служебным положением», а гораздо уже — как «дача взятки».

Наиболее вероятными оправданиями поведения взяточника опрошенные видят покровительство и требования начальства, которое заинтересовано в «посторонних» доходах», ситуация взаимного взяточничества и материальные затруднения ввиду низкой зарплаты. Первый мотив указывает на системность проблемы взяточничества, второй — на ее цивилизованный формат, когда чиновники оказывают друг перед другом в положении «должника» за какую-либо оказанную ранее услугу.

При этом анализ ответов на вопрос об образе самого взяточника позволил сформировать следующий типаж «совестливого взяточника»: он испытывает страх, стыд, смущение, презрение к себе, угрызения совести. Этот образ вполне соответствует образу застенчивого ворюги, «голубого ворيشки»

Альхена, описанному в бессмертном произведении И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев».

Литература:

- Бейссон Ж. Генетика. — Москва : Атомиздат, 1976. — 128 с.
- Волконская Е.К. Типология личности преступника-коррупционера // Российский следователь. — 2013. — № 14. — С. 33–34.
- Девятовская И.В., Сыманюк Э.Э. Психологические предикторы коррупционного поведения личности и их коррекция // Педагогическое образование в России. — 2014. — № 8. — С. 205–208.
- Долотов Р.О. Предпосылки формирования антикоррупционной мотивации поведения // Актуальные проблемы экономики и права. — 2011. — № 4 (20). — С. 42–44.
- Журавлев А.Л., Китова Д.А., Соснин В.А. Социально-психологические исследования коррупции. — Москва : Ин-т психологии РАН. — 2017. — 285 с.

- Ильф И.А., Петров Е.Н. 12 стульев. — Москва : АСТ, 2015. — 448 с.
- Коррупция: заметки на полях: учебно-методическое пособие / П.Ю. Ежов, О.В. Новикова, А.Г. Оболенская, А.В. Смирнов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2018. — 117 с.
- Ломброзо Ч. Преступный человек. — Москва : Эксмо, 2005. — 1480 с.
- Нодельман В. Портрет коррупционера: энергичный, образованный 40-летний семьянин. [Электронный ресурс] // Известия : [сайт]. URL: <https://iz.ru/821066/valeriia-nodelman/portret-korruptcionera-energichnyi-obrazovannyi-40-letnii-semianin> — (дата обращения: 01.08.2020).
- Филипенко А. В генпрокуратуре составили портрет коррупционера. [Электронный ресурс] // РБК : [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/society/06/12/2018/5c09061d9a794760a277db66> — (дата обращения: 03.08.2020).
- Agerberg M. (2014). Perspectives on gender and corruption. Gender differences in regard to corruption in Europe from an individual and institutional perspective. *The Quality of Government Institute, Working Paper Series*: 14.
- Aidt T., Hillman A., Qijun L. (2020). Who takes bribes and how much? Evidence from the China Corruption Conviction Database. *World Development*, 133. doi: 10.1016/j.worlddev.2020.104985
- Bahoo S., Alon I., Paltrinieri A. (2020). Corruption in international business: A review and research agenda. *International Business Review*, Elsevier, 29 (4) doi: 10.1016/j.ibusrev.2019.101660
- Bratu R., Kažoka I. (2018). Metaphors of corruption in the news media coverage of seven European countries. *Eur. J. Commun*, 33 (1), 57–72. doi: 10.1177/0267323117750695
- Breen M., Gillanders R., McNulty G., Suzuki A. (2017). Gender and corruption in business. *The Journal of Development Studies*, 53 (9), 1486–1501. doi: 10.1080/00220388.2016.1234036
- DeCelles K.A., DeRue D.S., Margolis J.D., Ceranic T.L. (2012). Does power corrupt or enable? When and why power facilitates self-interested behavior. *Journal of Applied Psychology*, 97 (3), 681–689. doi: 10.1037/a0026811
- Deyneka O. (2015). Attitude toward corruption: two comparative studies. *InPACT 2015 International Psychological Applications Conference and Trends*. Ljbljna, Slovenia. 2 to 4 May. Proceedings/ Lisbon: W.I.A.R.S? 156–159. Retrieved from: http://inpact-psychologyconference.org/wp-content/uploads/2014/04/InPACT-2015_Proceedings.pdf (accessed: 21.05.2020).
- Dimant E., Schulte T. (2016). The nature of corruption: An interdisciplinary perspective. *German Law Journal*, 17 (1), 53–72. doi: 10.1017/S2071832200019684
- Dollar D., Fisman R., Gatti R. (2001). Are women really the “fairer” sex? Corruption and women in government. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 46, 423–429. doi: 10.1016/S0167-2681(01)00169-X
- Esarey J., Schwindt-Bayer L. (2017). Women’s representation, accountability, and corruption in democracies. *British Journal of Political Science*, 48, 1–32. doi: 10.1017/S0007123416000478
- FootPhilippa(1967)TheProblemofAbortionandtheDoctrineoftheDoubleEffect. *OxfordReview*, 5. doi:10.1093/0199252866.003.0002
- Hallsson B.G., Siebner H.R., Hulme O.J. (2018). Fairness, fast and slow: A review of dual process models of fairness. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 1(89), 49–60. doi: 10.1016/j.neubiorev.2018.02.016
- Isyaku H., Hasan H., Kunalan R. (2016). A study on the use of corruption metaphors in the online media of Nigeria, Iraq and Malaysia. *Journal of Applied Linguist. Lang. Res.*, 3 (7), 68–84.
- Jetter M., Montoya Agudelo A., Ramírez Hassan A. (2015). The effect of democracy on corruption: Income is key. *World Development*, 74, 286–304. doi: 10.1016/j.worlddev.2015.05.016
- Jha Ch.K., Sarangi S. (2018). Women and Corruption: What Positions Must They Hold to Make a Difference? *Journal of Economic Behavior and Organization*, 151. doi: 10.2139/ssrn.2434912
- Jing-Schmidt Z., Peng X. (2017). Winds and tigers: metaphor choice in China’s anti-corruption discourse. *Lingua Sin*, 3 (2), 1–26. doi: 10.1186/s40655-016-0017-9
- Kelling G.L., Wilson J.Q. (1982). Broken windows: The Police and Neighborhood Safety. *Atlantic Monthly*, 249 (3), 29–38.
- Köbis N.C. (2018). The psychology of corruption. University of Amsterdam.
- Köbis N.Ch. (2017) The Look Over Your Shoulder: Corruption and Cheating Decreases in the Presence of Another Person. Ch. 4. Manuscript under review at European Journal of Social Psychology. *The Social Psychology of Corruption*. Amsterdam. doi: 10.1007/978-3-319-66254-1_3
- Lerner M.J. (1980). The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion. Plenum, N. Y. doi: 10.1007/978-1-4899-0448-5
- Lewellyn K.B., Rosey S. (2017). The role of national culture and corruption on managing earnings around the world. *Journal of World Business*, 52 (6), 798–808.
- Lopatta K., Jaeschke R., Tchikov M., Lodhia S. (2017). Corruption, corporate social responsibility and financial constraints: International firm level evidence. *European Management Review*, 14, 47–65. doi: 10.1111/emre.12098
- Lord N., Levi M. (2017). Organizing the finances for and the finances from transnational corporate bribery. *European Journal of Criminology*, 14 (3), 365–389. doi: 10.1177/1477370816661740
- May A.M., McGarvey M.G., Kucera D. (2018). Gender and European economic policy: a survey of the views of European economists on contemporary economic policy. *Kyklos*, 71 (1), 162–183. doi: 10.1111/kykl.12166
- Modesto J.G., Pilati R. (2020). Why are the Corrupt, Corrupt?: The Multilevel Analytical Model of Corruption. *The Spanish Journal of Psychology*, 23(e5). doi: 10.1017/sjp.2020.5.
- Modesto J.G., Keller V.N., Saraiva R.B., Pilati R. (2020). Belief in a corrupt world: A cross-cultural mediation model of beliefs about justice, punishment, and corruption. *Personality and Individual Differences*, 164, 110–127. doi: 10.1016/j.paid.2020.110127
- Mornah D., Macdermott R.J. (2018). A non-proxied empirical investigation of cultures effect on corruption. *Business and Society Review*, 123 (2), 269–301. doi: 10.1111/basr.12142
- Mukherjee D. (2018). Corruption in international business: Does economic globalization help? *Global Business Review*, 19 (13), 623–634. doi: 10.1177/0972150917713841
- Nee Cl., Button M., Shepherd D., Blackburn D., Leal Sh. (2019). The psychology of the corrupt: some preliminary findings. *Journal of Financial Crime*. doi: 10.1108/JFC-03-2018-0032.

- O'Connor S., Fischer R. (2012). Predicting Societal Corruption Across Time. *Journal of Cross-cultural Psychology*, 43, 644–659. doi: 10.1177/0022022111402344.
- Pan Z. (2020). Culture-specific conceptualisations relating to corruption in China English. *Lingua*, 245, 102948. doi: 10.1016/j.lingua.2020.102948
- Ross L. (1977). The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process, in Berkowitz, L., *Advances in experimental social psychology*. New York: Academic Press. 10, 173–220. doi: 1016/S0065-2601(08)60357-3
- Soeharto I., Nugroho N. (2018). Are we culturally corrupt? Revisiting the relationship between cultural dimensions and Corruption Perception Index. *Asia Pacific Fraud Journal*, 2 (2), 143–149. doi: 10.21532/apfj.001.17.02.02.02
- Søreide T. (2009). Too risk averse to stay honest? *International Review of Law and Economics*, 29, 4388–395. doi: 10.1016/j.irl.2009.03.001
- Stupnianek K., Navickas V. (2019). Can Beliefs in Justice Predict Corrupt Behavior? *Journal of Social and Political Psychology*, 7 (1), 246–259. doi: 10.5964/jspp.v7i1.1031.
- Swamy A., Knack S., Lee Y., Azfar O. (2001). Gender and corruption. *Journal of Development Economics*, 64, 25–55. doi: 10.1016/S0304-3878(00)00123-1
- Tatarko A., Mironova A. (2016). Values and attitudes towards corruption: a cross-cultural study in four European countries. *Psychology*. WP BRP. 61. doi: 10.2139/ssrn.2791414
- Wellalage N.H., Fernandez V., Thrikawala S. (2020). Corruption and innovation in private firms: Does gender matter? *International Review of Financial Analysis*, Elsevier, 70 (C), 101500. doi: 10.1016/j.irfa.2020.101500

References

- Agerberg M. (2014). Perspectives on gender and corruption. Gender differences in regard to corruption in Europe from an individual and institutional perspective. *The Quality of Government Institute*, Working Paper Series: 14.
- Aidt T., Hillman A., Qijun L. (2020). Who takes bribes and how much? Evidence from the China Corruption Conviction Databank. *World Development*, 133. doi: 10.1016/j.worlddev.2020.104985
- Bahoo S., Alon I., Paltrinieri A. (2020). Corruption in international business: A review and research agenda. *International Business Review*, Elsevier, 29 (4) doi: 10.1016/j.ibusrev.2019.101660
- Bejsson Z.H. (1976). *Genetika*. Moscow. Atomizdat, 128. (In Russ.).
- Bratu R., Kažoka I. (2018). Metaphors of corruption in the news media coverage of seven European countries. *Eur. J. Commun*, 33 (1), 57–72. doi: 10.1177/0267323117750695
- Breen M., Gillanders R., McNulty G., Suzuki A. (2017). Gender and corruption in business. *The Journal of Development Studies*, 53 (9), 1486–1501. doi: 10.1080/00220388.2016.1234036
- DeCelles K.A., DeRue D.S., Margolis J.D., Ceranic T.L. (2012). Does power corrupt or enable? When and why power facilitates self-interested behavior. *Journal of Applied Psychology*, 97 (3), 681–689. doi: 10.1037/a0026811
- Devyatovskaya I.V., Symanyuk E.E. (2014). Psihologicheskie prediktory korrupcionnogo povedeniya lichnosti i ih korekciya // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. № 8. S. 205–208. (In Russ.).
- Deyneka O. (2015). Attitude toward corruption: two comparative studies. *InPACT 2015 International Psychological Applications Conference and Trends*. Ljubljana, Slovenia. 2 to 4 May. Proceedings/ Lisbon: W.I.A.R.S? 156–159. Retrieved from: http://inpsychologyconference.org/wp-content/uploads/2014/04/InPACT-2015_Proceedings.pdf (accessed: 21.05.2020).
- Dimant E., Schulte T. (2016). The nature of corruption: An interdisciplinary perspective. *German Law Journal*, 17 (1), 53–72. doi: 10.1017/S2071832200019684
- Dollar D., Fisman R., Gatti R. (2001). Are women really the “fairer” sex? Corruption and women in government. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 46, 423–429. doi: 10.1016/S0167-2681(01)00169-X
- Dolotov R.O. (2011). Predposylki formirovaniya antikorrupcionnoj motivacii povedeniya // *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. № 4 (20). S. 42–44. (In Russ.).
- Esarey J., Schwindt-Bayer L. (2017). Women's representation, accountability, and corruption in democracies. *British Journal of Political Science*, 48, 1–32. doi: 10.1017/S0007123416000478
- Filipenok A. (2018). V genprokurature sostavili portret korrupcionera // *RBK*. — 6 dekabrya. — URL: <https://www.rbc.ru/society/06/12/2018/5c09061d9a794760a277db66> (In Russ.).
- Foot Philippa (1967). The Problem of Abortion and the Doctrine of the Double Effect. *Oxford Review*, 5. doi:10.1093/0199252866.003.0002
- Hallsson B.G., Siebner H.R., Hulme O.J. (2018). Fairness, fast and slow: A review of dual process models of fairness. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 1 (89), 49–60. doi: 10.1016/j.neubiorev.2018.02.016
- Iff I.A., Petrov E.N. (2015). 12 stuŕev. — M.: AST. — 448 s. (In Russ.).
- Isyaku H., Hasan H., Kunalan R. (2016). A study on the use of corruption metaphors in the online media of Nigeria, Iraq and Malaysia. *Journal of Applied Linguist. Lang. Res.*, 3 (7), 68–84.
- Jetter M., Montoya Agudelo A., Ramírez Hassan A. (2015). The effect of democracy on corruption: Income is key. *World Development*, 74, 286–304. doi: 10.1016/j.worlddev.2015.05.016
- Jha Ch.K., Sarangi S. (2018). Women and Corruption: What Positions Must They Hold to Make a Difference? *Journal of Economic Behavior and Organization*, 151. doi: 10.2139/ssrn.2434912
- Jing-Schmidt Z., Peng X. (2017). Winds and tigers: metaphor choice in China's anti-corruption discourse. *Lingua Sin*, 3 (2), 1–26. doi: 10.1186/s40655-016-0017-9
- Kelling G.L., Wilson J.Q. (1982). Broken windows: The Police and Neighborhood Safety. *Atlantic Monthly*, 249 (3), 29–38.
- Köbis N.C. (2018). *The psychology of corruption*. University of Amsterdam.

- Köbis N.Ch. (2017). The Look Over Your Shoulder: Corruption and Cheating Decreases in the Presence of Another Person. Ch. 4. Manuscript under review at European Journal of Social Psychology. *The Social Psychology of Corruption*. Amsterdam. doi: 10.1007/978-3-319-66254-1_3
- Korrupciya: zametki na polyah: uchebno-metodicheskoe posobie / P.YU. Ezhov, O.V. Novikova, A.G. Obolenskaya, A.V. Smirnov. — Ekaterinburg Ural. gos. ped. un-t. — 2018. — 117 s. (In Russ.).
- Lerner M.J. (1980). The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion. Plenum, N.Y. doi: 10.1007/978-1-4899-0448-5
- Lewellyn K.B., Rosey S. (2017). The role of national culture and corruption on managing earnings around the world. *Journal of World Business*, 52 (6), 798–808.
- Lingua*, 245, 102948. doi: 10.1016/j.lingua.2020.102948
- Lombrozo CH. (2005). *Prestupnyj chelovek*. — M.: Eksmo. — 1480 s. (In Russ.).
- Lopatta K., Jaeschke R., Tchikov M., Lodhia S. (2017). Corruption, corporate social responsibility and financial constraints: International firm level evidence. *European Management Review*, 14, 47–65. doi: 10.1111/emre.12098
- Lord N., Levi M. (2017). Organizing the finances for and the finances from transnational corporate bribery. *European Journal of Criminology*, 14 (3), 365–389. doi: 10.1177/1477370816661740
- May A.M., McGarvey M.G., Kucera D. (2018). Gender and European economic policy: a survey of the views of European economists on contemporary economic policy. *Kyklos*, 71 (1), 162–183. doi: 10.1111/kykl.12166
- Modesto J.G., Keller V.N., Saraiva R.B., Pilati R. (2020). Belief in a corrupt world: A cross-cultural mediation model of beliefs about justice, punishment, and corruption, *Personality and Individual Differences*, 164, 110–127. doi: 10.1016/j.paid.2020.110127
- Modesto J.G., Pilati R. (2020). Why are the Corrupt, Corrupt?: The Multilevel Analytical Model of Corruption. *The Spanish Journal of Psychology*, 23(e5). doi: 10.1017/sjp.2020.5.
- Mornah D., Macdermott R.J. (2018). A non-proxied empirical investigation of cultures effect on corruption. *Business and Society Review*, 123 (2), 269–301. doi: 10.1111/basr.12142
- Mukherjee D. (2018). Corruption in international business: Does economic globalization help? *Global Business Review*, 19 (13), 623–634. doi: 10.1177/0972150917713841
- Nee Cl., Button M., Shepherd D., Blackburn D., Leal Sh. (2019). The psychology of the corrupt: some preliminary findings. *Journal of Financial Crime*. doi: 10.1108/JFC-03-2018-0032.
- Nodel'man V. (2018). Portret korrupcionera: energichnyj, obrazovannyj 40-letnij sem'yanin // *Izvestiya*. — 6 dekabrya. — URL: <https://iz.ru/821066/valeriia-nodelman/portret-korrupcionera-energichnyi-obrazovannyi-40-letnij-semianin> (In Russ.).
- O'Connor S., Fischer R. (2012). Predicting Societal Corruption Across Time. *Journal of Cross-cultural Psychology*, 43, 644–659. doi: 10.1177/0022022111402344.
- Pan Z. (2020). Culture-specific conceptualisations relating to corruption in China English.
- Ross L. (1977). The intuitive psychologist and his shortcomings: Distortions in the attribution process, in Berkowitz, L., *Advances in experimental social psychology*. New York: Academic Press. 10, 173–220. doi: 1016/S0065-2601(08)60357-3
- Soeharto I., Nugroho N. (2018). Are we culturally corrupt? Revisiting the relationship between cultural dimensions and Corruption Perception Index. *Asia Pacific Fraud Journal*, 2 (2), 143–149. doi: 10.21532/apfj.001.17.02.02
- Søreide T. (2009). Too risk averse to stay honest? *International Review of Law and Economics*, 29, 4388–395. doi: 10.1016/j.irl.2009.03.001
- Stupnianeck K., Navickas V. (2019). Can Beliefs in Justice Predict Corrupt Behavior? *Journal of Social and Political Psychology*, 7 (1), 246–259. doi: 10.5964/jspp.v7i1.1031.
- Swamy A., Knack S., Lee Y., Azfar O. (2001). Gender and corruption. *Journal of Development Economics*, 64, 25–55. doi: 10.1016/S0304-3878(00)00123-1
- Tatarko A., Mironova A. (2016). Values and attitudes towards corruption: a cross-cultural study in four European countries. *Psychology*. WP BRP. 61. doi: 10.2139/ssrn.2791414
- Volkonskaya E.K. (2013). Tipologiya lichnosti prestupnika-korrupcionera. *Rossijskij sledovatel'*, 14, 33–34. (In Russ.).
- Wellalage N.H., Fernandez V., Thrikawala S. (2020). Corruption and innovation in private firms: Does gender matter? *International Review of Financial Analysis*, Elsevier, 70 (C), 101500. doi: 10.1016/j.irfa.2020.101500
- Zhuravlev A.L., Kitova D.A., Sosnin V.A. (2017). *Social'no-psihologicheskie issledovaniya korrupcii*. — M.: In-t psihologii RAN. — 285 s. (In Russ.).